

18+

Белыя Холст

Виктор Море

СТИХИ

Виктор Море

Белый холст

«Издательские решения»

Море В.

Белый холст / В. Море — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511529-4

Притих над полотном грошовым
Художник, одарённый словом,
Влюблённый в живопись поэт.
Ещё не хожен, не воспет,
Мир спит в безмолвии ледовом.
Любимым художникам посвящается
Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511529-4

© Море В.
© Издательские решения

Содержание

Белый холст	6
Белый холст	6
Сад земных наслаждений. Триптих	7
Винсент	11
Тихура	12
Матиссовая сутра	14
Чёрный квадрат Малевича	15
Внутреннее созерцание. Чёрный квадрат	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Белый холст

Виктор Море

© Виктор Море, 2020

ISBN 978-5-0051-1529-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белый холст *(стихотворный цикл)*

Белый холст

Выйду однажды из дому и не вернусь никогда.
Вспыхнет на небосклоне светом неверным звезда.
Шторка не шелохнётся, кот вслед за мной не сбежит.
Песня невнятная льётся, путь незнакомый лежит.

Сам себе свил этот кокон из суеты и тревог.
Мимо зашторенных окон, за паутину дорог,
Как мотылёк невесомый, я ускользну между строк,
Ветром упругим несомый, вновь погружаясь в поток.

Будут по-прежнему плавно плыть над землёй облака.
Бляшки мостов своенравно отполирует река.
Нет, ничего не случится, в мире так много утрат.
Время по-прежнему мчится. Дождь, реже – бешеный град.

Нет, ничего не случится. Звёзды, как влажный песок,
Лижет бездонное море. Тонет во тьме голосок.
Искры над бездной роятся, но там, где кончается мост,
Образы вновь возвратятся в белый нетронутый холст.

Сад земных наслаждений. Триптих

(По одноимённому триптиху Иеронима Босха)

Ещё безвидна и пуста земля,
Надёжна, как гостайна.
Не знает прелестей онлайн,
Как новорожденный, чиста.

Но на безлюдные поля
Уже из уст слетело слово,
Всего грядущего – основа,
Тугие створки шевеля.

Ещё предчувствием томится
Весь мир, неведеньем дыша,
Но кровь из щёлочек сочится.

Левая створка

Раскрылись створки, плоть обнажена —
Людей, зверей, веков, неожиданных смыслов.
Как будто с горки складками сукна
Дух заструился, всё собою выстлав.

Поющих птиц повисли кружева
Над девственной землёй, над ликованием рая,
Где странные резвятся существа,
Себя в узоры травные вплетая.

Хитиновый покров и чешуя,
Шерсть, панцири, пупырчатая кожа.
Вся тварь закутана в покровы бытия,
Нагой Адам глазами Еву гложет.

Потуплен взор. Нетронутый сосуд,
Блаженной чистоты невыпитый напиток.
Ещё по телу не разлился зуд
Желаний страстных и любовных пыток.

Вибрируют в фонтане струнки струй,
Сулят гармонию божественных идиллий.
Но жжёт уста иудин поцелуй,
Плоды сочатся соками насилий.

Но времени запущен маховик,
И мутные ручьи из будущего льются.

Совой глядит лукавый подрывник,
И кролики к прорытым норам жмутся.

Центральная часть

Неутолима жажда наслаждений,
Сок ягод брызжет с переспелых губ.
Душа устало ищет вожделений,
Залайкан до бесчувствия YouTube.

Шипы познания мне сердце прокололи.
Объеден кисло-сладкий плод.
Чего же ждал? Нет-нет, не этой боли.
Влачусь по жизни как последний скот.

Ах, скотья участь – умирать без мысли
И без надежды, с патокой в глазах.
Мечты, иллюзии, порывы скисли,
В зрачках застывших поселился страх.

Но страх мой тонет в этом диком гвалте,
Где чувства и тела обнажены.
Плоды кусками разноцветной смальты
Вмурованы в диковинные сны.

Где с голым задом шествует кругами
За счастьем люд, переходя на бег.
Над шествием безумным, вверх ногами,
Завис витрувианский человек.

Там, где щекочут брюхо неба башни
В надежде стать гнездовьем райских птиц.
Где яд депрессий в ложе чаш из яшмы —
Большая щель, купальня милых жриц.

Медведи, кони, львы, единороги,
Верблюды, чудища, мужчины, кабаны.
В движении копыта, лапы, ноги.
Страшны в желаниях, убоги и нежны.

Источник влажный всех приводит к жизни.
Вокруг вращаются и мысли, и дела.
По пояс – люди, снизу – просто слизни,
Желаньем страстным скованы тела.

Блуждаем, ищем вожделенных ягод.
Влекутся звёзды в лоно чёрных дыр.
Перепихнёмся, если карты лягут,
Нет, так в инете сыщем комбижир.

Сад наслаждений мы садили сами,
Без кожи времени нас нарисует Босх.
Как мы глядим воловьими глазами,
А бисер сыпется в наш оголённый мозг.

Правая створка

Мои ноги – два пьяных баркаса,
После шторма в заморожены в лёд.
В тёмных недрах гнилого каркаса
Дух сивуху вонючую жрёт.

Надо мною гнусавит волынка,
В животе разгулялся кабак.
Расплескались сокровища рынка,
Прохудился непрочный чердак.

Визг под звуки слащавых мелодий.
Торжествует, куражится ад.
В тайниках сатанинских угодий
Вызревает мой внутренний смрад.

Струны арфы мне тело пронзили.
Лютня стонет – на грифе распят.
На колёсной замызганной лире
Колки ссохлись и нудно скрипят.

Гнусный хор с богомерзкою жабой
(Нотный стан – как исток нечистот),
Переполнясь безумной отвагой,
В душу льёт свой попсовый компот.

Колотушки стучат в барабаны,
Выдувает рассудок труба.
Мои уши – две рваные раны,
Сломлен дух, и пропита судьба.

Меня злобная сущность съедает,
Превращаюсь в ненужный отброс.
Моя спесь переела – рыгает,
Мою печень смакует цирроз.

Слишком долго собой любовался,
Вместо зеркала – дьявольский зад.
К запредельной гармонии рвался,
Загремел же в банальнейший ад.

Я с судьбой моей резался в карты,

Перед свиньями бисер метал.
Не сказал бы, что не было фарта,
Но, видать, свои шансы просрал.

Псы досады меня доедают,
Кролик похоти в норку несёт.
В уши бесы бесстыжие лают,
И, наверно, никто не спасёт.

Мой герой дикой сворой растерзан,
Не спасла напускная броня.
Мир разорван, на части разрезан,
Вместо песен – тупая возня.

Вижу, как догорают пространства,
Головешки вчерашних надежд.
Жизнь – как хмель беспробудного пьянства,
А в итоге – похмельный кортеж.

Наши души бредут, отступаясь,
Ненадёжны гнилые мостки.
Даже в плотные стаи сбиваясь,
Не уйти от смертельной тоски.

Проржавел горизонт, льётся в дыры
Запредельный негреющий свет.
Как личинки в просроченном сыре,
Догрызаем остывший обед.

Догорает наш сад наслаждений,
Может, мы перепутали пир?
И в угарном чаду вожделий
Слил в сортир нас Всемирный банкир?

Наша жизнь в полынью ускользает,
Столько слов и напыщенных поз.
Цепенеет, но лёд разрезает,
Тихий шепот: «Помилуй, Христос».

Винсент

На ложе из весенних трав и белых облаков,
Вдали от нищих деревень и шумных городов,
Художник грезил наяву и кистью на холсте
Вплетал в тугую синеву нить солнечных дождей.

Но своенравные мазки свивались в ураган,
В клубки неистойой тоски, в пылающий пропан.
И за пределами миров, где ангелы молчат,
В тройные стёкла тишины стучался сильный град.

Винсент, Винсент —
Вино за цент.
Задаром целый мир.
Винсент, Винсент,
Ты пьёшь абсент,
А мы хлебаем сидр.

Зелёной феей ты пленён, уже поёт мистраль,
Рассудок наш непрочный рвёт, но нам его не жаль.
На раны маков – жёлтый плед, на красный виноград.
Но даже самый тёплый цвет не вылечит распад.

Вихрятся атомы, летят в усталые глаза.
Мир ускользает в пустоту, и не вернуть назад.
Смеётся солнце нам в лицо, и в золоте – жнивье,
Но ветер северный вспугнул, и кружит воронье.

Винсент, Винсент —
Душа за цент.
Задаром целый мир.
Винсент, Винсент,
Ты пьёшь абсент,
А мы хлебаем сидр.

Подсолнух шляпы золотой, печали жёлтый дом.
Ночное жаркое кафе, и ни души кругом.
Внезапно просыпаюсь я, и в тишине глухой —
Его зелёные глаза и бритва за спиной.

На ложе из весенних трав и белых облаков,
Вдали от нищих деревень и шумных городов,
Художник грезил наяву и кистью на холсте
Вплетал в тугую синеву нить солнечных дождей.

Тихура

(Удивительному художнику Полю Гогену и его таитянской возлюбленной)

Ты болтала ногами в воде,
Таял берег с портовыми шлюхами.
Уплывал я навстречу судьбе,
Так привыкший питаться разлуками.

Мелким бисером острова,
В синей чаше, наполненной звуками,
В гулкой раковине Таароа*,
Заблудившись, друг другу аукали.

Столько ласк на вечернем песке,
Но измена всегда неожиданна.
Ты запрятала тайну в зрачке,
Но огромною рыбою выдана.

Мир сиял нам до самых глубин,
Удивляясь своей необъятности.
Был тобою я нежно любим,
Остальное – ненужные частности.

Старый лист еле слышно упал.
Вздрыгнул лес, растревоженный птицами.
Раскололся непрочный опал.
Духи в чаще сверкнули глазницами.

Спал с богинями Таароа.
И родил ту, что призвана нравиться.
Как увижу нагую тебя —
Сам не свой, мне с собою не справиться.

Но с другим ты делила постель,
Потаскушка, дикарка. Красавица!
Пусть я сам – как безродный кобель,
Уплыву, чтоб в закате расплавиться.

Я когда-то и сам переспал
С недотрогой по имени Живопись.
С ней блаженную негу познал,
Непонятную людям, как клинопись.

Мне она родила нищету,
Зов иного, мечты, неприкаянность.

Вместе с ней перешёл за черту,
Благодарю за отчаянность!

За отчаянность дерзкую – быть!
Плыть по воле порыва сердечного.
От восторга над безднами стыть,
На щеке – поцелуй Бесконечного.

И опять, и опять потерять
Всё, что днём мне сознание туманило.
В ночь из глотки мышьяк извергать,
Извиваясь муреною раненой.

Дочь свободы, Тихура, пора!
Вот к отплытию склянка прозвякала.
И теперь будут только ветра
Мне шептать, как же горько ты плакала.

*Таароа (Тангароа, Тангалоа, Танаоа, Кана-лоа) – небесное божество у полинезийцев и микронезийцев (острова Гилберта); в ряде мифов Западной и Центральной Полинезии Таароа – само небо, а также радуга и дождь.

Матиссовая сутра

(Апри Матиссу и его марокканскому триптиху)

На плечи снов батистовое утро
Набросил апельсиновый рассвет.
Разъяла тьму Матиссовая сутра,
Мир потянулся, солнышком согрет.

Прозрачна мысль, лениво занавески
Играют бликами разбуженных небес.
А белого холста уже коснулись всплески
Нездешней бирюзы, потусторонних месс.

Гудит Атлантика в голубоватой дымке,
В её глубинах затаилась смерть.
Уже торгуют на блошином рынке,
Но мир под кистью не сгустился в твердь.

Подвижно всё, в чарующей истоме —
Изгибы линий, нега и мечта.
И город детских грёз в проёме
Вдруг возникает с чистого листа.

В волшебной лампе – трепетные рыбки.
Потрёшь слегка – и в вечность уплывёшь.
Наивная пленительность улыбки,
Пусть ты её за деньги продаёшь.

И тапочки за Гибралтар уплыли,
За Nec plus ultra в солнечную взвесь.
Кем были здесь, там навсегда забыли,
Своей полезности утратив спесь.

А на холстах навеки слишком рано
Всё сбудется, исполнится вот-вот.
Вдруг рассветёт негаданно-нежданно
И нас с тобой сиянием зальёт.

Чёрный квадрат Малевича

Ни света, ни цвета, ни звука.
Квадратная тень на стене.
Как будто ворвался без стука
Непрошенный кто-то ко мне.

Как будто глядел очень долго
На солнце, и вот чернота.
Мой мир, что разложен по полкам,
Вобрала в себя пустота.

Скольжу в безвоздушном пространстве.
Ни выси, ни дали, ни дна.
Итог человеческих странствий,
Мелькнувшего века цена.

Исчезла опора, зависла
Над пропастью жалкая мысль.
Закисшей уловкой софиста,
Как вещь, потерявшая смысл.

За пышным сверканием мира
Сознанию открылась дыра,
Зияющей ямой сортира,
Последним приютом добра.

С изнанки саднящая рана.
Предел. Неизбежный конец.
Потухший экран. Амальгама,
Где плещется мир как слепец.

Заветная чёрная дверца —
Никто не вернулся назад.
Неведомый край для туземца —
Бесчувственный чёрный квадрат.

Чем ночи темней, тем абстрактней
Искусство, абсурднее дни.
Пустые посулы невнятной,
Всё вкрадчивей зов западни.

Зеркальную кожуцу мира
Безжалостной кистью рассечь
Решился Малевич, задира,
Чтоб болью наш нерв пережечь*.

Внутреннее созерцание. Чёрный квадрат

Тень небесного града на белых снегах.
Смертью и вечностью воздух пропах.
Всё не важно, не нужно, бесплотное, как сон.
Облачается разум в тончайший виссон.

Шаг на волю, в реальность. Окончен сеанс.
Гаснет старый проектор, развеялся транс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.